

7/11

5.86
ГБВ
интер

В ожидании праздника и чуда

На страницах газет и журналов иногда идет речь о так называемом «кризисе оперного жанра». Искусствоведы и социологи ищут причины этого явления, отмечают падение зрительского интереса к опере, снижение профессионального уровня постановок и исполнения оперных спектаклей во всем мире. А тем временем счастливые обладатели билетов в Большой театр сегодня, как и много лет назад, поднимаются по его ступеням в ожидании чуда и праздника. Они не задумываются о «кризисе оперы», а доверия себя театру, голы которого переживает происходящему на сцене, подчинившись волшебству музыки и театра.

Все — авторитет театра, его традиции, репертуар, включающий лучшие произведения русской, советской и зарубежной классики, замечательные творческие силы — лучшие силы страны, — способствует тому, чтобы доверие зрителей было оправдано. И давнейшее взаимоотношение зрителя и оперы всецело находится в руках участников спектакля, рождущегося сегодня, сейчас на сцене, спектакля, вызывающего ответную реакцию зала.

Недавно нам удалось побывать на нескольких спектаклях Большого театра. Вагаж наших зрительских впечатлений оказался разнообразным. Радость и благодарность порой соседствовали с чувством противоречивым, так как, к сожалению, не всегда ожидаемое чудо становилось реальностью.

Причины самого различного характера мешают восприятию спектакля. Например, ставшее традиционным для театра несоблюдение афиши. Зритель, пришедший в театр в ожидании встречи с любимым певцом, недоуменно пожимает плечами. И надо сказать, что сам факт замены отрицательно сказывается на восприятии спектакля. Так, во всех трех спектаклях — 10, 13 и 27 апреля были замены исполнителей, в том числе — ведущих партий.

Грустно, но были случаи пения, с профессиональной точки зрения далеко не совершенного, с интонационными неточностями, расхождениями солистов и хора с оркестром. Надо ли говорить, что все это нарушает зрительское восприятие спектакля. Конечно, критиковать легко, и на все всегда найдутся объективные причины, но зритель от этого не легче — он пришел в театр и готовился к встрече с большим искусством Большого театра.

Пример единства музыкальной драматургии и сценического воплощения — спектакль «Тоска» Д. Пуччини, который мы слушали 13 апреля. От спектакля в целом осталась хорошее впечатление, и

в первую очередь в этом заслуга исполнительницы заглавной партии М. Касрашвили. Красивый, теплый тембр голоса, профессиональная стабильность, весь вокально-сценический образ, созданный актрисой, соответствует представлению об этой героине. Волнующую смысловую нагрузку в этом спектакле несут различные средства внешней выразительности, подчеркивающие внутреннее движение оперы, например сценические акценты, четко фиксирующие важные для постановщиков моменты. Так, в финале первого акта Скариа поднимается все выше и выше по лестнице и, резко развернувшись к залу, словно возвышается над всем миром в ярком луче света. Это — торжество его владычества над миром. М. Маслова, исполнявшая 13 апреля роль Скариа, провел эту сцену, в значительной мере являющуюся ключом к образу, очень удачно. Сильно, наполненно звучал голос, выразительна была пластика артиста — это в одинаковой мере относится и к первому, и ко второму акту спектакля.

В партии Каварадосси в этот вечер выступал гастролер из Тбилиси — солист Театра оперы и балета имени З. Палиашвили А. Хомерики. У артиста хорошая сценическая внешность, он эмоционален, выразителен. Можно понять причины неудачного падения артиста в последней сцене (отсутствие нужного количества репетиций в сценических условиях), но это привело к целому ряду смысловых неурядиц. Тоска не видела, что он мертв, потому что Каварадосси мертв, потому что артист упал лицом вверх, чем поставил в трудное положение исполнительницу партии Тоски. Она, единственная из всех, кто смотрел в это время на Марио, не видела, что он мертв! И музыкально-вокальный уровень исполнения А. Хомерики, к сожалению, заставил желать много лучшего.

Всем исполнителям «Тоски», участвовавшим в спектакле в этот вечер, хотелось бы пожелать более точных смысловых акцентов, еще большей выразительности вокальных интонаций. К сожалению, пестрым было звучание хора, что относится и к спектаклю «Иоланта», который прошел 10 апреля.

Заглавную партию в «Иоланте» исполняла Е. Руденко. Профессионально, чисто, выразительно была спета вся партия. В партии Роберта с блеском выступил И. Морозов.

В исполнении Ю. Статника (король Рене) были, к сожалению, и фальшивые ноты, и какая-то «вокальная вялость», голосовая усталость.

Хотелось бы сказать и о том, что вся первая картина, до выхода Водомона и Роберта, прошла сценически вяло. Вряд ли способствовала успеху спектакля та-

кая, казалось бы, мелочь, как неизвестно откуда заявившиеся на интермедийном занавесе силуэты огромных дежажущих голов или расквашенные статуи. Такие огрехи обладают удивительной способностью притуплять внимание зрителей и «выбивать» их из настроения.

Несколько слов хочется сказать о молодых исполнителях — стажерах театра. Хорошее впечатление производит «романтический, полный жизни образ Волемиль» в «Иоланте», созданный В. Богачевым. Его красивый тембр, сильный голос сочетается с естественностью и сбалансированностью сценического поведения. Нельзя не отметить Е. Зарембу, а тот же спектакль исполнившую большую роль Марты. Казалось бы, роль не первого положения, а вокально и сценически проработана во всех деталях и оставляет впечатление серьезной работы. Хотелось, чтобы молодые исполнители не теряли юный запал и вдохновение, чувствовали ответственности за каждый свой выход на сцену Большого театра всю свою творческую жизнь. Вообще, слушая подряд несколько спектаклей, убеждаешься, что театр располагает интересными молодыми певцами, которые при соответствующей работе с ними и с помощью старших товарищей, дирижеров и режиссеров смогут занять ведущие положения в оперной труппе.

В спектакле «Каменный гость» 27 апреля, казалось бы, все шло нормально. Стабильно звучали голоса солистов, оркестр, все слова (а это — А. Пушкин), доносились до слушателей. Но... Это был скучный спектакль, лишенный смыслового, эмоционального нерва, который держит зрительское внимание.

В этом спектакле об истинной любви, которая не боится смерти, лебедь не было. Донна Анна (Н. Фокина) напедала поцелуй светскую кокетку ради взаимности которой вред ли надо было Дон Жуану (Л. Кузнецову) «ломать копы». Произошло смысловое смещение, которое впрямую отразилось на всем спектакле. Л. Кузнецову так же, как и Е. Каримову (Донорелло), хотелось бы пожелать большей вокальной и сценической выразительности.

Прияное впечатление произвела лишь Е. Заремба — Лаура, полная обаяния, грации, темперамента. Уверенно, тембрено наполненно звучал голос молодой певицы. Но естественно, что в целом это не спасло спектакль.

Еще и еще раз возвращаясь мысленно к увиденному и услышанному в Большом театре, испытывая чувство благодарности к тем, кто дает ощущение прилива жизненных сил, рождает положительные эмоции, придает творческую энергию. И даже несмотря на то, что были в спектаклях досадные мелочи (а иногда и не мелочи), которые могут вызвать у зрителей негативную реакцию, помогающую им полюбить оперу и вновь вернуться на оперный спектакль, — у нас осталось впечатление, что у Большого театра есть все возможности для того, чтобы на его сцене рождались и шли живые оперные спектакли и каждый — на высоком профессиональном уровне. Хотелось бы, чтобы зритель стремился в Большой театр не только из престижных соображений, а шел каждый раз как на праздник, ожидая великого чуда, которое несет в себе сочетание музыки, слова и действия, — чуда оперы.

Светлана ДОЦЕНКО,

студентка 5-го курса факультета музыкального театра

ГИТИС,

Евгения ХОЗИКОВА,

студентка 5-го курса Московской консерватории.